

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / LITERARY CRITICISM

Т. А. Алпатова

*Московский государственный областной университет
(Москва, Россия)***АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА СТРАНИЦАХ «ПИСЕМ
РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н. М. КАРАМЗИНА
(ДЖ. ТОМСОН И КАРАМЗИН)**

Проблема взаимодействия Н. М. Карамзина – автора «Писем русского путешественника» – с английской литературной традицией неоднократно привлекала внимание исследователей как в связи с постановкой и решением общих вопросов биографии и творчества писателя (Сиповский 1899: 35–48 и др.; Лотман 1995; Лотман, Успенский 1987), так и в связи с уточнением конкретных аспектов рецепции творчества отдельных английских писателей, в первую очередь В. Шекспира и Л. Стерна (Первушина 2004: 244–252; Атарова 1978: 133–145; Канунова 1975: 258–264). В данной статье специфика решения вопроса об отражении английской литературы на страницах «Писем...» определяется в первую очередь тем, что факты обращения к ней Карамзина и его героя-путешественника анализируются как своеобразный прием построения карамзинского повествования. Главная его особенность может быть определена при этом как динамика, осознанная самим автором установка на свободу повествовательной композиции (ср.: Топоров 2006: 29–34 и др.; Anderson 1974: 4–8). Она создавалась благодаря параллельному развитию, помимо собственно сюжета путешествия как пространственного перемещения, иных, дополнительных сюжетных планов, связанных со всем разнообразием жизненного материала, который был представлен в книге.

В ряду таких параллельных «сюжетов» оказались и размышления Карамзина об английской литературе, которая и сама по себе как эстетический феномен, и в лице отдельных своих ярких представителей входит в более общий «литературный сюжет» «Писем...» и наряду с другими, ему подобными, позволяет Карамзину понять самого себя как личность и как писателя, самоопределившись самому и дать возможность некоего «самоопределения» собственному тексту.

Английские страницы «Писем...» начинаются с целого ряда реминисценций из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна (именно по его следам идет путешественник во время своего пребывания в Кале, перед самым отплытием на пакет-боте в Англию (Карамзин 1987: 323–326)). Потому-то, определяя общий «дух» Англии, карамзинский герой, пытаясь оценивать мир вокруг сквозь призму чувственных впечатлений, подобно стерновскому Йорику видит Англию «землею красоты» (Карамзин 1987: 327) и уподобляет Британию острову нимфы Калипсо: «Ваш остров есть остров волшебства, очарования. Горе бедному страннику!» (Карамзин 1987: 327).

Однако стилизация стерновского подхода к изображению довольно быстро уступает место иному, более ориентированному на уже знакомую по французской части книги стилистику путеводителя (популярного описания достопримечательностей страны). Ю. М. Лотман отмечал насыщенность «английских» страниц «Писем...» литературными реминисценциями и ассоциативными припоминаниями сравнительно известных сведений. По мысли исследователя, это было связано с относительно небольшим временем пребывания Карамзина в Англии (Лотман 1987: 525–606). И пусть реальную датировку путешествия Карамзина точно установить, по-видимому, невозможно, несомненная насыщенность этой части книги литературными аллюзиями нуждается в оценке не только как прием тайнописи, но как художественное явление, имеющее более глубокий смысл.

Английская литература существует для карамзинского путешественника в «Письмах...» и как целостный контекст, и в виде отсылок к конкретным произведениям отдельных авторов, творчество которых, по мысли Карамзина, может рассматриваться как наиболее показательное для характеристики того специфического начала чувствительности, умения понимать «жизнь сердца», что внесла Англия в мировую литературу. Именно в этом ряду оказываются содержащиеся в книге Карамзина многочисленные реминисценции из произведений Л. Стерна и В. Шекспира. Несколько менее изученными оказываются при этом Дж. Томсон и А. Поуп (см.: Левин 1990; Соловьева 2008), связанный с которыми реминисцентный ряд также вписывается в общей литературный «сюжет» и позволяет выявить не только литературно-эстетические симпатии Карамзина как «чувствительного» автора, но и проследить, каким образом в диалоге с «чужим» текстом выстра-

ивается поэтика динамического, «становящегося» повествования в «Письмах...».

Имя Дж. Томсона было очень важным как для развития русского сентиментализма в целом, так и для творческого самоопределения молодого Карамзина (выполненный им прозаический перевод-пересказ поэмы Томсона «Времена года» был опубликован в журнале «Детское чтение для сердца и разума» в 1787 г.). И в «Письмах русского путешественника» линия, связанная с поэмой Томсона, неожиданно оказывается более глубокой и значимой, нежели просто упоминания английского поэта как одного из первых, кто умел чутко отзываться на состояние природы («Весна не была бы для меня так прекрасна, если бы Томсон и Клейст не описали мне всех красот ея») (Карамзин 1987: 39). Для Карамзина Томсон интересен и как мыслитель-историк; данная линия вводится в текст в связи с размышлениями об исторической роли Петра I.

Символично-мистический взгляд на Петра входит в «Письма русского путешественника» благодаря развернутой цитате из поэмы Дж. Томсона «Времена года», которую Карамзин приводит как в подлиннике, так и в собственном переводе. Смысл столь развернутого включения «чужого» текста – необходимость «достроить» понимание земной миссии Петра-преобразователя до некоего высшего небесного призвания, которым отмечена эта личность.

«Чего не может произвести деятельное Правительство, преобразуя человека? Одна великая душа, вдохновленная небом, извлекла из готического мрака обширную Империю, народ, издревле дикой и грубой. Бессмертный Петр! Первый из Монархов укротивший суровую Россию с ее грозными скалами, блатами, шумными реками, озерами и непокорными жителями! Смирив жестокого варвара, возвысил он нравственность человека. О вы, тени древних Героев, устроявших веками порядок гражданских обществ! Воззрите на сие, вдруг совершившееся чудо! Воззрите на беспримерного Государя, оставившего наследственный престол, на коем дотоле царствовала могущественная тень неутвержденной власти - презревшего пышность и негу, проходящего все земли, отлагающего свой скипетр в каждом корабельном пристанище, неутомимо работающего с искусными Механиками, и собирающего семена торговли, полезных художеств, общественной мудрости и воинской науки! Обремененный сокровищами Европы, он возвращается в свое Отечество и вдруг среди степей возносятся грады, в печальных пустынях улыбаются красоты сельския, отдаленные реки соединяют свое течение, изумленный Евксин слышит

шум Бальтийских вод, гордые флоты переплывают моря, которых доколе не пенились еще под дерзостными рулями, и многочисленныя воинства в блестящих рядах на врагов устремляются, поражают неистового северного Александра и ужасают сынов Оттомана. Удаляется леность, невежество и пороки, коими прежде варварство гордилось. Везде является картина искусств, военных действий, цветущей торговли: мудрость его вымышляет, власть повелевает, пример показывает – и государство благополучно!» (Карамзин 1987: 199–200). Примечательно, что этот фрагмент отсутствовал в публикации прозаического перевода томсоновой поэмы, выполненного Карамзиным в 1787 г. для журнала «Детское чтение для сердца и разума». Возможно, что отсутствие темы Петра в это время было значимо для молодого переводчика. Карамзин 1787 г., близкий Н. И. Новикову и московским масонам, мог отказаться от строк о Петре-преобразователе, считая принципиально недостижимым просветительство «в государственном масштабе», просветительство «сверху», по аналогии с официальной концепцией и Петра-преобразователя, и Екатерины II - покровительницы искусства. Карамзинская концепция Просвещения в то время, скорее, была связана с идеей нравственного совершенствования отдельного человека, личного просвещения души. Включая в «Письма русского путешественника» перевод размышлений Томсона о преобразовательном подвиге Петра, автор по сути декларирует уже иное отношение.

Для передачи эмоциональных обертонов Карамзин использует здесь разнообразные приемы: это и риторические вопросы, и восклицания, и инверсии, и «знаковая» лексика. Особое место среди них занимает и отличное от Томсона употребление курсивов. Если в английском тексте выделены имена собственные и понятия, становящиеся аллегориями: «варвар», «человек», «праздность», «невежество», «порок», «пример» (см: Карамзин 1987: 199), то Карамзин оставляет курсив лишь в двух ключевых, по его мнению, понятиях: *варвар* и *человек*. Подчеркивание именно этой антитезы не случайно и позволяет говорить о важном аспекте взаимодействия историософии, отразившейся в «Письмах...», с воззрениями на историю Дж. Томсона, в этот период интересовавшими Карамзина. В «Письмах русского путешественника», как и во «Временах года», по существу, переплетаются две, на первый взгляд, взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, это характерная для сентиментализма (и для Карамзина генетически восходящая прежде всего к идеям Ж.-Ж. Руссо) концепция «простоты», «золотого

века»: некогда на земле царил гармония природы и человека, эпоха братской любви и согласия, когда в сердцах людей была жива чувствительность, способность восхищаться красотой мира, сострадать ближнему и приносить живую благодарность Творцу, но эпоха эта с течением времени сменилась всеобщей раздробленностью, враждой, эгоизмом и кровожадностью, глухотой к живому зову природы и бессердечием по отношению к окружающим людям. Однако Томсон как в поэме в целом, так и в той части «Зимы», которая посвящена рассмотрению личности и деятельности Петра, не ограничивается лишь однозначным предпочтением прошлого нынешнему веку «упадка». Эта мысль оказывается лишь одним из мотивов поэмы, наряду с которым не менее сильно звучат оптимистические по существу историософские размышления о благотворном влиянии цивилизующей деятельности человека. Исследовательница творчества Дж. Томсона П. М. Спакс пишет о поэме «Времена года» как о сложном философском целом, в котором описания природы становятся средством, помогающим выразить и теософские, и научные, и исторические воззрения поэта. По мнению исследовательницы, как и Поуп в «Виндзорском лесе», Томсон отнюдь не игнорирует человека; многие фрагменты поэмы несут в себе гуманистическое начало. Поэт видит человека в центре универсума и нередко переносит внимание с созерцания космического порядка как такового на сферу человеческой жизни, истории и морали. В поэме присутствует своего рода синтез концепций примитивизма, «естественного» начала, с одной стороны, и с другой – идеалов прогресса и цивилизации. Человек ничтожен перед Универсумом – но он изобретает машины, чтобы убирать с полей урожай, строит города, создает произведения искусства, и в этом его величие, равно как и в способности к слиянию с природой, в преклонении перед нею как высшей гармонией, свидетельством бесконечной благодати Творца (Spaks 1959: 30-34). Подобный историософский оптимизм не противоречит и характерному для жанра описательной поэмы своеобразному слиянию природы и чуткого к ней «естественного» человека. Природа величественна, многообразна и изменчива, она несет в себе божественное начало, как прекраснейшее и гармоничнейшее создание Творца, но в пейзаже органично существует и человек – тот «зритель», для которого создан этот мир, тот единственный, кто способен оценить дары Божества. «Золотой век» Прошлого и благотворность Просвещения, величие природы и гармоничная включенность в нее человека находятся у Томсона в неразрывном единстве; думается, именно

эта сложность, отсутствие однозначного предпочтения того или иного начала более всего привлекли Карамзина и отозвались в «Письмах...», где, по существу, создавалось то же многосоставное историософское целое, в котором есть место и признанию прелестей простоты – и восторгу перед культурой, и глубочайшему интересу к прошлому – и осуждению средневекового «варварства».

Естественность и цивилизация существуют для Томсона как вечная дилемма; присутствие этой философской проблемы в поэме определяет и своеобразие осмысления темы Петра. Она появляется во «Временах года» неслучайно и органично вписывается в многосоставную философскую и историческую проблематику четвертой части поэмы – «Зима». Зима для поэта – символ старости и в жизни человека, и в самом универсуме, и воплощение стихийных сил хаоса, разрушения, умирания; поэтому она, с одной стороны, отнимает у природы жизненные силы, а человека делает жестким, холодным, бесчувственным. Но в то же время борьба с изнурительным холодом закаляет людей и становится залогом успешного развития государств. И в природе Зима – колыбель жизни, она подготавливает мир к приходу весны. Это сопоставление разрушительных и созидательных начал проходит через всю четвертую часть томсоновой поэмы; хаос и гармония в его изображении борются в универсуме, как и в человеческом обществе. Не случайно, описывая зимние развлечения, поэт относит к ним занятия историей, «беседы» внимательного читателя с героями прошлого, перечисляет целый ряд исторических персонажей, имена которых связаны с идеей борьбы света – и мрака невежества, хаоса – и гармонии законов и государственности: Сократа, Солона, Ликурга, Аристиды, Нумы, Фабриция, Регула, Катона, Брута. Мечтая философствовать с друзьями, он так рисует содержание совместных занятий: *«Из темного ли хаоса вызвано все неизмеримое мироздание, или в вечности произошло от Предвечного духа? Какая жизнь его, законы, продолжение и цель? – Тогда нашим взаимно искренним душам открылись бы обширные виды сего прекрасного целого, и каждая частная гармония сливалась бы с ним во всем совершенстве пред изумленным взором. Тогда исследовали бы мы нравственный мир, могущим перстом Премудрости движимый, согласуемый и правимый в возвышенном порядке, хотя он и кажется расстроенным, пока изо всего не произойдет всеобщее благо»* (Томсон 1798: 456–457; пер. Д. И. Дмитриевского). Размышления о Петре, вырвавшем страну из «готического мрака» – хаоса, безвластия и распада – и создавшем гармонический государственный орга-

низм, оказываются, таким образом, тесно связанными с философской концепцией «Времен года» в целом, и именно в этом аспекте тема Петра входит и в карамзинское произведение.

Таким образом, фрагмент поэмы Томсона «Времена года», включенный Карамзиным в «Письма русского путешественника», как в оригинале, так и в собственном прозаическом переводе, выполняет несколько важных для Карамзина художественных задач. Прежде всего, он дополнительно подчеркивает иллюзию документальности, спонтанности и свободы движения мысли и чувства (в этом функционально сближаясь с самой эпистолярной формой произведения). Кроме того, звучащее поэтическое слово расширяет культурный фон “Писем...”, что было принципиально в отношении Карамзина к цивилизации и человеку: человек творит и описывает мир, ибо способен чувствовать и, главное, откликаться истинному чувству другого. И потому дух других народов можно уловить в его наиболее органичных воплощениях, одним из которых и является поэзия. Стихотворные фрагменты связаны и с формальными поисками Карамзина – свобода поэтических форм, включенных в прозу, помогала созданию более свободных повествовательных интонаций. Для Карамзина – это своего рода ключ к самой возможности живого дыхания текста и поиска новых путей к читателю, так важных в русской литературе рубежа XVIII – XIX столетий.

ЛИТЕРАТУРА

- Атарова К. Н. Лоренс Стерн и жанр путешествия в русской литературе конца XVIII века (на материале творчества Радищева и Карамзина) / К. Н. Атарова // Писатель и жизнь: Сборник историко-литературных, теоретических и критических статей. – Москва: Советский писатель, 1978. – С. 133–45.
- Канунова Ф. З. Карамзин и Стерн / Ф. З. Канунова // XVIII век: Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. – Москва: Ленинград: Наука, 1975. – С. 258–264.
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. – Ленинград: Наука, 1987. – 716 с.
- Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания) / Н. Д. Кочеткова. – Санкт-Петербург: Наука, 1994. – 280 с.
- Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России / Ю. Д. Левин. – Ленинград: Наука, 1990. – 285 с.

- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и их место в развитии русской культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. – Ленинград, 1987. – С. 525–606.
- Соловьева Н. А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи / Н. А. Соловьева. – Москва: Формула права, 2008. – 272 с.
- Первушина Е. А. Н. М. Карамзин как читатель Шекспира в «Письмах русского путешественника» / Е. А. Первушина // XVIII век: искусство жить и жизнь искусства. – Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова; Экон-информ, 2004. – С. 244–252.
- Томсон Дж. Времена года / Дж. Томсон; пер. Н. М. Карамзина // Детское чтение для сердца и разума. 1787. – Ч. 9. – С. 195–205; Ч. 10. – С. 193–207; – Ч. 11. – С. 193–207; – Ч. 12. – С. 193–206.
- Томсон Дж. Четыре времени года / Дж. Томсон; пер. Д. И. Дмитриевско-го. – Москва: В университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1798. – 516 с.
- Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения / В. Н. Топоров. – Москва: Русский мир; ОАО «Московские учебники», 2006. – 432 с.
- Anderson R. B. N. M. Karamzin's prose: The teller in the Tale^ a study in narration technique / R. B. Anderson. – Houston, Texas, 1974. – 256 p.
- Cross A. Karamzin and England / A. Cross // The Slavonic and East European Review. – 1964. – December. – Vol. 43. – N 100. – P. 110–112.
- Spaks P. M. The Varied God. A Critical Study of Thomson's "The Seasons" / P. M. Spaks. – University of California Press, 1959. – 257 p.

The English Literature in the Letters of a Russian Traveler by N. M. Karamzin

Summary

This article focuses on problems of reflection of English literature of the 17th–18th centuries in N. M. Karamzin's **Letters of a Russian Traveler**. Karamzin's evaluations of English writers from W. Shakespeare to poets-sentimentalists of the beginning of the 18th century were analyzed. The meaning of the quotes and reminiscences from the works by J. Thomson in the creative structure of "Letters of Russian Traveller" are defined and the role of Karamzin's statements about English literature in the formation of a holistic image of England in the Russian culture of the late 18th– early 19th centuries is identified.

Keywords: *Karamzin, English literature of the 17th–18th centuries, sentimentalism, Thomson.*